

Наталья Резанова

КРИПТИЯ

Москва
«Снежный Ком»
2019

Серия «Волшебные миры» основана в 2017 году
Ведущий редактор *Глеб Гусаков*
Дизайн серии *Макс Олин*

Резанова, Наталья
Р34 Криптия / Наталья Резанова. — М. : «Снежный Ком М»,
2019. — 480 с. — (Волшебные миры).

ISBN 978-5-6042584-9-1

Все начинается, как подобает детективу. Одинокая гостиница в отдалении от крупных городов. Жестокое и таинственное убийство. Поиск преступника среди постояльцев. Но вскоре выяснится, что гостиница лежит на пути варварского нашествия, которое захлестнет земли империи — и окажется, что в деле замешаны могучие силы, от древних чар до разведок соседних стран.

Пройдет много лет. Отгремят войны, границы государств изменятся, и вновь интриги будут предшествовать битвам на суше и на море. Но судьбы нескольких стран снова зависят от давнего убийства в одинокой гостинице на краю степей.

УДК 82-32
ББК 84(Рос-Рус)6

ISBN 978-5-6042584-9-1

© Резанова Н., 2019
© «Снежный Ком М»
(ИП Штепин Д.В.), 2019
© Оформление. Олин М., 2019

*Восточная граница
Союзной империи,
шестнадцатый год
правления
императора Матанги.
Гостиница
«Лапа дракона»*

Место для гостиницы было не самое плохое. Бойкое. Здесь сходились несколько дорог, соединяющих империю, Степь и восточное побережье. Даже странно, что никто жилья тут не построил. Может, потому, что земля тут была скудна и прокормиться от нее нельзя. Так что если кому угодно жить ремеслами и земледелием — добро пожаловать вглубь Союзной империи. А на восток отсюда — только военные поселения и гарнизоны. Форпост цивилизации, держащей щит перед степными варварами. Раньше, говорят, и этого не было. Империя продвинулась внутрь Степи лишь несколько десятилетий назад. Ну а в гарнизонах и на поселениях нужно пить-есть, во что-то одеваться. Вот и гремят по дорогам провиантские обозы и повозки торговцев. А по пути нужно и отдохнуть, и развлечься, и тут, извольте, к услугам господ проезжающих, «Лапа дракона» — постоянный двор, таверна и бордель, все что угодно за ваши деньги.

Неизвестно, кто из владельцев дал придорожному заведению столь воинственное название. Ведь именно дракон

изображен на военных стягах Союзной империи, и недаром знаменосцы армейские именуются драконариями. Но название оказалось счастливым, и «Лапа дракона» процветала.

В мирное время.

Сейчас все больше начинали говорить, что степняки, казалось бы, прочно замирные, вновь зашевелились. И хотя умелая политика империи позволяла держать вождей в узде, от коварных варваров можно было ждать чего угодно.

Впрочем, на благосостоянии «Лапы дракона» это пока не сказалось. Даже если разбойничьи шайки и кланы, слишком незначительные, чтобы император требовал у них заложников, тревожили набегами пограничье, никому из них не удавалось прорвать цепь имперских укреплений.

Удивительно, что в сии беспокойные времена хозяйствовала в «Лапе» женщина. Кое-кто считал это еще за один признак бабьего неразумия — вместо того чтобы в канун возможной войны убраться подальше, она ради ничтожной выгоды рискует всем. Иные же уважали ее за деловую хватку. Говорили, что в молодости она знавала лучшие времена, будучи куртизанкой не то в Батне, не то в Лимее. Однако, когда возраст уже не позволил ей затмевать молодых соперниц, она предпочла сменить занятие, уехав в пограничье.

Звали ее Ланасса, и она слыла среди проезжающих хорошей и рачительной хозяйкой. В «Лапе дракона» постоялец ждал сытный обед, постели были относительно чистыми, и за лошадей тоже можно было не бояться. Помимо самых насущных потребностей, хозяйка заботилась также о развлечениях. Она давала приют бродячим певцам и музыкантам, способным позабавить гостей, а для прочего имелись две девушки, Дуча и Нунна. Поскольку «Лапа» была придорожной гостиницей, а не городским заведением, хозяйка не могла позволить себе роскошь держать девушек только для утех проезжающих. Они помогали на кухне и подавали кушанья в зале, где гости к ним присматривались. Тяжеловато совмещать, но жизнь на границе вообще тяжелая. Раньше девушек было три, но одна из них родила от постояльца, и с младенцем на шее решила здесь не оставаться. По счастью, она успела скопить денег, чтобы выкупиться от хозяйки и уехать

в Шенан. Так что Дуче и Нунне приходилось справляться вдвоем, да еще Бохру, прислуга за все, заодно обслуживал гостей, предпочитавших мальчиков — в империи к этому относились просто.

Впрочем, многие предпочли бы не девиц и не мальчика, а саму хозяйку. Несмотря на возраст, она сохранила остатки былой красоты, да и настоящее городское обхождение в этом захолустье кое-что значит. Но Ланасса далеко не со всяким соглашалась пойти, а если кто-то не смирялся с отказом, водилась здесь для вразумления непонятливых прислуга и помимо женской. А как же иначе? Не прожить здесь женщинам одним, даже под охраной гарнизонов. Все ж таки лихие люди на дорогах водятся, и гости разгуляться могут. И работа при гостинице бывает такая, что женщина не справится. Потому при гостинице были кухарь, охранник, он же вышибала, и конюх. Этот себе на подмогу еще мальчишку взял, из военных сирот. Такого, в отличие от Бохру, к гостям выпускать было нельзя. Зато стойла чистить — в самый раз.

Хотя боги обделили эту местность лесами — все больше рощи да кустарники, а дальше степь, — но кто-то из прежних хозяев не поленился возвести вокруг гостиницы крепкий бревенчатый частокол, и при Ланассе его исправно подновляли. И приезжие за такой оградой чувствовали, что повозки их и поклажа защищены от всякой швали дорожной.

При гостинице были птичник и огород, так что кур-гусей и овощи на стол подавали свои, а вот все прочее закупали у торговцев, так что расценки в «Лапе» были отнюдь не низкие. А кому не нравится, ищи себе пропитания в чистом поле. А учитывая удаленность гостиницы от города, Ланасса не всегда брала плату наличными деньгами. Мука, рис, мясо, вино, взятые у одних проезжих, удовольствуют других. Так разумней и безопасней.

В тот день в гостинице было всего четыре постояльца из разряда «чистых» — армейский офицер, возвращавшийся в гарнизон из отпуска, да армейский же поставщик, да два купца — один из Батны, другой из Димна. Но это не значило, что народу было мало — у всех у них имелись слуги, у офицера — оруженосец. Да еще прибрел старикашка из

бродячих сказителей. У знатных господ было в обычае выпускать на пирах слепых рассказчиков — считалось, что такие более вдохновенны. Этот тоже пытался выдать себя за слепого, но ясно было, что он всего лишь подслеповат, и для знатных домов не годится. У проезжих требования были не такие высокие, а музыкантов по нынешним временам в гостинице не было, так что Ланасса позволила ему остаться.

Было еще рано для развлечений. Повар Боболон всюду трудился на кухне, Нунна ему помогала, Дуча и Бохру разносили в зале кушанья и попутно приглядывались к посетителям. Обед был не то чтоб изыскан — рагу из овощей, каша с солониной, а к «чистым» столам еще и утятина в винном соусе, но уставшие с дороги путники не привередничали. Пока они насыщались, слепому, то есть подслеповатому сказителю незачем было отвлекать их, и его отправили на задний двор — правда, не позабыв дать старику миску с кашей и краюху.

Когда был утолен первый голод, промеж господ проезжающих пошел, как водится, приличный разговор на достойные внимания темы, а в пограничных краях, кроме цен на зерно, непреходящая тема одна — угроза из Степи.

— Нет, нет и нет, — говорил степенный купец из Батны, округлый, и весьма, с бритыми щеками и короткой круглой бородой. — Какие-то стычки наверняка будут, но чего-то серьезного ожидать не приходится.

— Империя замирает варваров уже невесть сколько десятилетий, а они все никак не замиряются, — возразил его собеседник — димниец, более молодой, темноволосый, скуластый. — Они без войны жить не могут. Я был в Степи, знаю.

— Можно подумать, я не был... Но они вечно дерутся и сварятся меж собой, а объединиться не могут. И вообще, мудрые люди говорят, что варвары могут выиграть сражение, но не могут выиграть войну, верно, господин офицер?

Тот, к кому обратились, ответил не сразу. Это был угрюмый мужчина средних лет. Как требовал имперский устав, он был выбрит, хотя не слишком аккуратно, и носил длинные волосы, собранные на затылке в неофициальной манере, — и то ладно, шевелюра его уже начинала редеть.

Вопрос он расслышал хорошо, но говорить с купчишками — ниже достоинства военного, пусть даже из захолустного гарнизона. С другой стороны, раньше утра отсюда не выбраться, надо дать лошадям отдохнуть, а коротать весь вечер за вином в одиночестве (оруженосец не в счет) не очень хотелось.

— Верно, — ответил он. — Да только сейчас у степняков как раз объявился вождь, который хочет собрать под своей рукой все племена. Тогон его кличут.

— Тогон не опасен, — фыркнул купец из Батны. — Я слышал, что его сын с ранних лет в заложниках и служит в императорской армии.

— А хоть бы и так, — заметил армейский поставщик — рыжий, веснушчатый, с наглой физиономией. Такие обычно имеют успех у баб, хоть красотой и не блещут. — Варварам понятие верности слову неведомо. Да и сын, как говорят, у Тогона не один.

Дуча расставляла миски перед слугами, погонщиками и оруженосцем. Бохру наливал вино купцам. Оба исподволь приглядывались к гостям, прикидывая, кого придется обслуживать ночью.

Дуча, дебелая, грудастая, с волосами цвета коровьего масла (хорошо, что клиенты не знали, чем она их высветляет), особых требований к гостям не предъявляла. Хорошо бы, конечно, подцепить димнийца или поставщика — они и располагают к себе, и при деньгах, но кто знает, какие у них предпочтения. Она к тому же успела усвоить, что денежные клиенты бывают и самыми скупыми, и не в меру требовательными. А вот простой парень, если правильный подход к нему найти, может за ласку последнее выложить. Так что и слугами не следует пренебрегать.

Бохру не успел еще набраться подобной мудрости, поэтому старался отираться возле господских столов. Да вряд ли ему и стоило ее набираться. Малорослый, худой, вертлявый, он казался моложе своих лет, но на деле ему было не меньше пятнадцати-шестнадцати. Скоро он не будет годиться для своего побочного приработка, потому он, верно, и стремился, как можно быстрее срубить денежек.

Он уже успел повыспрашивать слуг об именах господ, а также об их привычках. От него-то Дуча имена и узнала. Офицера звали Гордиан Эльго (оруженосец сказал, что он ездил домой хоронить престарелых родителей, а также проводить траурные ритуалы), поставщика — Варинхарий, купца из Димна — Клиах, а его собрата из Батны — Шуас. Никто из них не собирался задерживаться в «Лапе» больше чем на ночь. Но сейчас близится осень, ночи стали длинными, и многое что можно успеть.

Пока что постояльцы беседовали о военной угрозе. Гордиану Эльго замечание Варинхария о том, что предводитель варваров может пожертвовать сыном, чтобы развернуть войну, не слишком понравилось. Притом, что он понимал — Варинхарий прав. Но убейте меня демоны! Хоть этот рыжий мерзавец и носит на кафтане бляху, свидетельствующую о его принадлежности к императорской армии, он еще будет судить поперек мнения боевого офицера!

— Тогон на сына, может, и наплюет, — проворчал он. — Только он не один такой, кто хочет подмять под себя все племена, и не все племена на это согласны. Неизвестно, кто верх возьмет — Тогон или Бото. И командованию от Бото хлопот куда как больше. Ведь кланы, что под ним ходят, ближе к нашим границам кочуют. Я тут свежих вестей не слышал, меня долго не было — траур держал. Вот вернусь к себе в гарнизон, узнаю, замирился Бото с Тогоном или нет. Если замирился, войны беспрерывно не будет.

— Слышал я про того Бото, — заявил Клиах. — Степняки все на голову дурные, а этот особо. Не пойдет он на мир с Тогоном ни за что.

— А я что говорил! — Шуас перевернул кружку, показывая тем самым Бохру, что та пуста и следует ее наполнить. — Пусть эти степные волки рвут друг другу глотки, пусть сами друг друга перебьют, а империя получит свою выгоду!

— Господа, что вы все о войне да о войне, не лучше ли отдохнуть, поразвлечься? — раздался приятный низкий голос. В зал вплыла хозяйка, госпожа Ланасса собственной персоной — статная дама в зеленом платье с узором по подолу в виде веток сосны и уложенными в узел медно-каштановыми

волосами. Их она, разумеется, красила, но в целом пудрой, помадой и белилами отнюдь не злоупотребляла, не то что многие особы ее сословия и возраста. И пользовалась для украшения лица отнюдь не толченым углем, сажей или мукой — косметику она вывезла из столичных городов, и прикасаться к ней Дуче и Нунне было запрещено, равно как к ароматическим притираниям с запахом корицы.

— А вы все хорошеете, госпожа, — не преминул вернуть Варинхарий.

— А вы, сударь, все такой же льстец, как всегда. — Хозяйка жестом приказала слугам зажечь светильники, после чего Дуча и Бохру скрылись — побежали наводить красоту на вечер, а у столов их сменила Нунна, уже успевшая прихорошиться.

Она была небольшого роста, с фигурой, которую она предпочитала считать изящной, а Дуча именovala «доска, а на ней два соска». Волосы у нее были каштановые, но не рыжеватые, как у хозяйки, а почти черные, и она тщательно завивала их в локоны. К выходу Нунна обрядилась в платье из набивной ткани в красно-белую клетку. И теперь семенила вокруг столов, поджимая губки, дабы выглядеть утонченно.

— Довольны ли вы угощением, добрые господа мои? — обратилась Ланасса ко всем присутствующим. — Если нет, то наш повар — мастер делать отличные омлеты. Свежей рыбы, к сожалению, предложить не могу, сами знаете, мы далеко от рек, поблизости только ручей, так что есть только вяленая. А если господа пожелают, мы можем забить кабанчика, которого откармливаем к празднику Долгой Ночи.

— А хитра хозяйка! — расхохотался Шуас. — Мы завтра уедем, а половина кабанчика наверняка останется. И с ватрашних постояльцев она за жаркое сызнава плату возьмет. Уважаю!

— Да кто ж тебе сказал, батнийская твоя морда, что мы за вечер все не съедим? — возразил Варинхарий. — Меня эта утка жалобная так раззадорила — сам бы этого кабанчика всего сожрал, да что там, целого кабана! Ланасса, счастье мое, вот моя доля. — Он высыпал из кошелька горсть монет, серебряных, зато полновесных. — А омлет пусть слуги лопают!

— И то, — присоединился к нему димниец. — Когда еще от души откушаешь.. Эрке, скотина ленивая, давай сюда мой кошель!

Названный Эрке, слуга и телохранитель Клиаха, жилистый белобрый парень, довольно привлекательный, если бы его не портило бельмо на левом глазу, охотно исполнил приказ, выбравшись из-за стола, где он сидел рядом с оруженосцем и коренастым чернявым Саки — слугой интенданта. Несомненно, Эрке рассчитывал перехватить за ужином кое-что посущественней омлета и вяленой рыбы.

Гордиан молча кивнул, и Шуасу, оставшемуся среди гостей в одиночестве, ничего не оставалось, кроме как согласиться с остальными.

— Я немедля распоряжусь, чтоб Рох и Боболон зарезали и разделали кабанчика, — сказала Ланасса. — Но это требует времени, да и мясо сразу не зажарится. Не желают ли гости в ожидании жаркого послушать занимательные истории?

Слепой, то бишь подслеповатый сказитель, именем которого никто не интересовался, до того жавшийся у двери, почувствовал, что пришел его час, и выбрался на всеобщее обозрение. Выглядел он, как все подобные деятели — седой, с благообразной бородой, голубые слезящиеся глаза полуприкрыты тяжелыми веками, полотняная одежда, обработанная солнцем и дождями, приобрела цвет пыли. Но голос у него был, хоть и дребезжащий, но звучный — с другим при его ремесле не прокормишься.

— Какую историю желают господа? — спросил он. — Я знаю их много. Возвышенных и поучительных: о том, как боги сотворили мир и людей, о том, как по воле Разрушителя Лунные острова откололись от материка, о Сердце Мира, о..

— В жопу поучительные! — перебил его Варинхарий. — Это мы и в храмах на проповедях слышим.

— Но я знаю также истории страшные, забавные и трогательные. Могу рассказать также о деяниях властителей дома Рароу, о преславных войнах Союзной империи..

— О войнах нашел кому рассказывать, — проворчал Гордиан.

Тем временем вернулись Дуча и Бохру. Последний подвел глаза сажей и взбил кудри. Дуча нацепила платье, в котором ее главное достоинство («вымя», как определяла его Нунна), выпирало сильнее всего. И оба несли подносы с кружками, что вызвало воодушевление у собравшихся.

Нунна решила, что пора идти в наступление.

— Расскажи трогательную, — жеманно просюсюкала она — как предполагалось, с городским выговором. — Про любовь и возвышенные чувства.

Шуас, которому нынче, видно, приспичило со всеми спорить, а уж с трактирной девкой — сами боги велели, брякнул:

— Кому нужна эта любовь! Давай, чтоб приключения были! И кровопролитиев побольше!

— А что, — протянул Варинхарий, — можно и про любовь. Приятно эдак под вечер про это самое послушать. Но чтоб приключения тоже были.

— И про страшное тоже, — вставил Клиах свои три медяка. — Это в жизни страшного нам не надо, а в рассказах — самое оно.

— Я знаю такую историю, благородные гости! Послушайте, почтенные, печальнейшую повесть о том, как принц полюбил прекрасного варвара и чем это закончилось.

Оруженосец Торк при этих словах чуть не поперхнулся вином.

— Какого еще, к демонам, прекрасного варвара? Сразу видно, что старик слепешарый и ни разу ни одного степняка не встречал. Они ж страшны, как на подбор — все рыжие, кривоногие, на рожу темные...

— Ну, это от племени зависит, — рассудительно заметил Эрке. — Мы с хозяином далеко в Степь заезжали, так скажу я тебе, в Тогоновых кланах что парни, что девки очень даже ничего. И не рыжие они там, а белявые...

Поскольку никто из благородных господ возражений не высказал, старик приступил к повествованию:

— Было то во времена императора Симуэрэна, когда границы благословенной империи нашей не простирались так далеко в Степь, а проходили по оборонительному валу, что

так и зовется Симурэновым, и варвары осмеливались тревожить набегами мирные города, и потому приходилось постоянно присылать туда солдат и выводить их в поле. Командовали ими боевые генералы, но принято было тогда, чтоб над ними в пограничье был некто из императорской семьи.

Принц Хаги был из правящего дома, хотя не из сыновей его величества, а в какой степени родства с домом Рароу — мне неизвестно. Был он юноша красивый собой, воспитан благородно, обхождения тонкого, обучен обращению с оружием у лучших мастеров. И послал его император наблюдать за делами в город Шенан, что нынче в глубине мирных земель, а тогда был у самой границы. Велик Шенан, и обнесен прочными стенами, и есть в нем дворец из тесаного камня, и мог бы принц Хаги жить там безбедно и беспечально. Но не желает буйная молодость заточать себя во дворце! И стал принц выезжать в поле вместе с воинами, и в дни войны геройствовал в битвах, а в дни мира вел переговоры с варварскими вождями. И при тех переговорах повстречал он варварского воина по имени Гентей. Говорили иные, — сказитель выразительно покосился в сторону оруженосца, — что степные жители безобразней, чем демоны. Но Гентей являл среди них исключение. Был он строен, как молодая сосна, с волосами как серебро...

— Ну, я же говорил — белобрысые они там, — шепотом пояснил Эрке соседу. — А на рожу и правда темные...

— ...и хоть лицо его было опалено солнцем, был он столь хорош, что в сердце принца возгорелась запретная страсть. И волею судьбы стала она взаимной. И ненависть, соединявшая смертельных врагов, стала любовью. Но от всех вынуждены были скрывать Хаги и Гентей свои чувства, и встречаться тайно, ибо проведай о том хоть одна душа, это было бы губельно для обоих. Хаги обвинили бы в государственной измене, а это позор для имперского принца. А Гентея его соплеменники предали бы мучительной смерти, ибо у этих варваров любовь между мужчинами считается мерзостью и грехом. Где дикарям понять возвышенные чувства, связавшие тираноубийц Вако и Кайра, или прославленных бойцов Одиннадцатого легиона! В Степи за подобное преступника

закапывают в землю живым, либо ломают ему руки и ноги и оставляют на поживу диким зверям и хищным птицам.

Так длилось до того дня, пока в Шенан не прибыл император Симурэн. Объезжал он все города союзных провинций, выбирая место для новой столицы. И хотя вряд ли кто ожидал, что Шенан будет избран, император не обошел его вниманием, желая оказать честь приграничным жителям. Остановился он во дворце Хаги, ибо не было в городе других зданий, достойных его величества. И, естественно, стража, ради безопасности императора, была удвоена и утроена. И случилось так, что Хаги, поглощенный заботами по приему царственного гостя, не успел предупредить о том своего друга, и ночью Гентей проник во дворец, дабы свидеться с принцем, как делал уже не раз. Но если раньше ему удавалось тайком миновать стражу, то теперь он был схвачен. И хоть отважно сражался он, гвардейцев императора было больше, латы их прочны, клинки острые, и раненый Гентей в цепях был приведен на допрос. И когда стали его пытаться, вопрошая, как и зачем он проник во дворец, он, дабы избавить друга своего от позора, а себя от мучений, сказал: «Я пришел, чтобы убить принца Хаги, ибо он смертельный враг мне и моему племени». И приговорен был Гентей к сожжению на костре. А принц Хаги, узнав об этом, явился пред очи императора и, пав перед ним на колени, молил помиловать Гентея. И сказал император: «За кого ты просишь? Разве не сам он признался, что хотел убить тебя?» И принц, проливая горькие слезы, поведал, что Гентей оговорил себя, чтобы спасти его честь. И тогда император изрек: «Уж если даже дикий варвар стремится уберечь от хулы честь твою, мне тем более пристало ее блюсти. Повелеваю: пусть преступнику перед казнью отрежут язык, ибо, устранившись костре, он может поведать такое, что опозорит императорский дом. Ты же немедленно с малою свитой покинешь Шенан». И принц, исполняя приказ его величества, выехал из пределов Шенана. Но сердце его было полно печали, и он не мог вынести мысли о мучениях, которые предстояло вынести Гентею. И он сказал своим воинам: «Я собираюсь совершить нечто, что не принесет мне славы, но в случае

удачи — изгнание, а в противном случае — смерть. Кто из вас пойдет со мной?» И воины последовали за Хаги. Он же надеялся отбить Гентея по пути на казнь, ибо предполагал, что к тому времени император уедет из города и охранять узника будут немногие. Но Хаги ошибся и вдобавок опоздал — когда принц ворвался в город, Гентея уже возвели на костер. И в отчаянии от того, что Гентей умирает с мыслию, что друг его предал, Хаги напал на охранников, окружавших костер. Те в ответ осыпали его стрелами. Они, может, и не стали бы стрелять, боясь нанести урон царственной крови, но лицо Хаги было скрыто шлемом, и охранники не узнали его. Так пал злосчастный Хаги, и все, кто были с ним, в тот же час, когда Гентей сгорел в пламени. Император же, узнав о том, приказал похоронить Хаги тайно и без подобающих почестей, а историю его записать в назидание, — закончил сказитель и закашлялся, дабы слушатели поняли, что горло у него пересохло и надо бы смочить.

Дуча поднесла ему кружку. Бохру деликатно промокнул глаза рукавом.

— Какие чувства, — томно протянула Нунна. Она не могла допустить, чтобы этот мерзкий мальчишка выглядел перед клиентами более утонченным.

— Чушь собачья, — уверенно произнес Торк. — Сразу надо было стараться отбить, а не слезы лить!

— И вообще, нечего с врагами империи путаться, будь ты хоть принц, хоть кто! — вступил в разговор слуга Шуаса. До того он молчал, добирая остатки каши и омлета, но теперь миска была выскоблена до блеска. — Правильно император поступил!

Тут голос Боболона недр кухни провозгласил, что жаркое скоро будет готово, и это вызвало больше оживления, чем трогательная история. Хозяйка распорядилась принести еще вина, и когда наконец свинину выставили на столы, обед нечувствительно перешел в ужин. За окнами давно стемнело, Бохру добавил масла в светильники.

— А хорошо-то как! — Слуга Шуаса, насытившись по первому заходу, желал приятной беседы. — Особливо, когда дверь заперта, и ворота тоже, потому что вдали от городов,

по степям да пустошам, бывает, нечисть бродит. Я тут такое слышал...

— Цыц! — заткнул его слуга Варинхария. На правах до некоторой степени военного он полагал себя человеком решительным. — Может, где-нибудь в Михале, где колдуны кругом, она и бродит. А у нас императоры и жрецы колдовство все повывели, а с ними и нечисть уничтожилась.

— Вообще-то у степняков, когда парень с парнем — и верно за позор считается, тут старикашка не соврал, — повествовал Эрке оруженосцу. — Могут и живьем закопать. Наподобие как у нас колдунов зарывали при Дагде Благочестивом. Зато у них другой обычай есть. Вроде вот как у них считается: в бабу или в девку мужская душа вселяется. Или, наоборот, в мужика или в парня — бабья. И тогда собираются шаманы со всех родственных кланов в круг и особую песню поют, проверяют, правда ли это. Бывает, день поют и два без остановки. И если тот или та, кого проверяют, в круг войдет и песню подхватит, вот что будет. Если вранье оно или просто рассудка помрачение, тогда помрет тот человек, песня его на месте убьет. А если не вранье — помрет его прежняя душа. Тогда — все. При всем племени, чтоб никто не говорил, что не видел и не знает, обрядят парня в платье, а девку в штаны и кафтан. И считается отныне парень девкой, а девушка парнем, и так живет. И никто их попрекать или смеяться не будет. Им даже жениться или выходить замуж позволено, потому как считается, что переродились они полностью.

— Врешь ты все!

— Не. Сам однажды такой обряд видел. Раньше, говорят, оно чаще было. А теперь почти что не встречается. И впрямь, наверное, соседство с империей действие свое оказывает. Но все же порой бывает.

— Развра-ат... Одно слово, дикари и язычники.

Впрочем, желания вести серьезные беседы о нравах и обычаях разных народов больше ни у кого не возникало. Нунна увивалась вокруг Гордиана (офицер — это все же статусом повыше, чем купец, хотя редко денежной), но тот предпочитал напиваться, и она порой бросала взгляды на остальных. В глубине души она была уверена, что когда-нибудь найдется

гость, который влюбится в нее, увезет отсюда и возьмет на содержание. И тогда она всем покажет! Но сегодня на это рассчитывать, похоже, не приходилось. Уж лучше армейский пьяница, чем это было.

Дуча подливала вина димнийцу. Тот, оглаживая ее ляжку, расспрашивал:

— А в городе бы, небось, больше могла заработать, а? В том же Шенане?

— Могла бы, — отвечала Дуча. — Да все заработки на налоги бы ушли. И все-то там норовят обобрать бедную девушку: каждой чиновной крысе — дай, городским стражникам — дай... — Она захихикала, осознав двусмысленность сказанного.

Но Клиах смеха не подхватил. Продолжая щупать Дучу — лениво, больше для порядка, он поглядывал за соседний стол, где вели тихую беседу Варинхарий и хозяйка. Дуча тоже покосилась на них. Опять эта старуха, которая Дуче в матери годится, заполучила самого завидного и денежного парня. Впрочем, Варинхарий здесь не в первый раз, и с Ланассой они, судя по всему, давние знакомые. Так что обижаться не след. А Клиах, хоть и лапает, наверх не зовет... что там с остальными? Офицер наверняка упьется в хлам — а еще говорят, что военные пить мастера! — Нунна его утащит, а утром будет врать, что его удовольствовала — знаем мы замашки этой змеюки. Жирномясого из Батны не видать — неужто он себе Бохру снял? А ведь даже и не смотрел в его сторону! С кем работать, спрашивается?

Слепешарый сказитель перекочевал за стол слуг, где о трогательных и нравоучительных историях речи больше не было, а пошли одна за другой скабрзные байки о похотливых купеческих женах, обманутых мужьях, ловких приказчиках и школярах. За такое денег здесь не отсыпали, зато кормили-поили без жадности.

Так вечер постепенно сползал в ночь, и ночь текла в никуда, заливая тьмой чадающие светильники.

Поутру Дуча продрала глаза раньше всех. Не то чтобы ей хотелось рано вставать. Совершенно не хотелось. Но ее успели приучить — ночная работа дневную не отменяет.

В зале с вечера насвинячили, надобно прибраться, пока постояльцы не начали требовать жрать. Она неспешно спустилась с лестницы, стукнула в дверь кухни, где ночевал повар. Все равно ему тоже пора подниматься.

— Бобо! Разбуди, милый, этих ленивых шлюх, Нунну и Бохру, пусть в зале начинают убираться. А я за водой пошла.

Ланасса вчера сказала правду: гостиница находилась далеко от рек. Но во дворе «Лапы» был вырыт колодец, и вода для гостиничных нужд имелась в нужном количестве. Дуча собиралась мыть пол и свернула в коридор, который вел к задней двери, чтобы взять бадью из чулана.

И завизжала, увидев то, что ей предстало.

Город Димн, сорок девятый год от Возрождения

Большая белая чайка с омерзительным криком мазнула крылом волну, выхватила из воды какой-то обьедок и взмыла ввысь. Расплодилось их в гавани до демона, а убивать нельзя, примета плохая, ибо нет народа суевернее, чем моряки.

Интересно, как оно выглядело, когда бухта была гнездилищем не чаек, а виверн? В древности, говорят, так оно и было. И кто этих мелких летучих драконов выжил — чайки или жители Димна? И те, и другие крайне живучи и выживают кого угодно.

Сейчас-то все выглядит прекрасно — торговые корабли заполонили гавань, не говоря уж о рыбацких фелюгах и прочей мелочи. С гернийскими пиратами сейчас, слава всем богам, вышло замирение, и корабли ходят в Димн беспрепятственно.

Один из них и покинул только что Борс Монграна, консул Димна. Капитан «Косатки», торгового корабля из Нимра, пригласил консула отобедать, и тот пришел. С Нимром следовало поддерживать хорошие отношения — все же самый процветающий город за пределами империи. Да и угощение было, должно признать, отменным.

Хотя, слушая ворчание секретаря Фруэлы, поспешавшего за консулом вслед по набережной, попутно обличая «надутых жителей Нимра», Монграна, в принципе, был с ним согласен. Легко процветать, если город веками не знал ни войн, ни вражеских нашествий. А у нас... полвека назад,

когда люди вновь стали селиться на этом месте — уж больно удобная бухта, — здесь даже развалин не оставалось. Степняки сожгли и уничтожили все.

А теперь у нас прекрасно обустроенные пирсы и новые каменные стены. И дома — не сказать, чтоб прекрасные, в отличие от пирсов, но пригодные для жизни. Мы прокладываем каналы и строим мосты. И если Нимр, говорят, находится под прямым покровительством божественных сил, то мы всего достигли сами.

Хотя помощь высших сил тоже бы не помешала.

— Что у нас еще на сегодня?

Фруэла, прервав бурчание, четко отрапортовал:

— Должна прийти почта из империи.

— Тогда возвращаемся в Серую башню.

Так именовали в Димне резиденцию правителя. Там же проходили заседания городского сената. Раньше, до Великой войны, наместник Димна назначался императором. Теперь сенат из наиболее именитых граждан Димна выбирает правителя, именуемого консулом, император же лишь утверждает это избрание.

И кто, спрашивается, выиграл в результате этой войны?

Союзная империя, разумеется, полагает, что она. Пусть и скукожилась по краям, но главные провинции уцелели, и императоры прочно сидят на троне, а варвары снова ушли в свои степи. Торговля, науки и искусства процветают. Вроде бы.

Ну а варвары, видимо, уверены, что победа за ними. Степняки вытеснили гарнизоны и поселения с земель, которые считали исконно своими, да еще и оттяпали себе изрядный кусок. Три волны нашествия — Бото, Тогона и Данкайро, нанесли имперской армии непоправимый урон, там больше никогда не собрать прежних сил, а те, кто нынче служат под знаменем дракона, не забудут, как одних прежних генералов прогоняли под ярмом, а головы других насаживали на копья, окружавшие вражеские становища. И никакие оборонительные валы не помогли.

И что в итоге?

Шагара, следующий Владыка Степи, заключил союзнический договор с королевством Михаль. А Михаль,

в противоположность дряхлеющей Союзной империи — хищник молодой и вполне жизнеспособный. Причем самое смешное — возможно, для того, чтобы уничтожить варваров, им даже не придется воевать. Они приходят на отвоеванные земли на правах союзников, в отличие от надменных имперцев, охотно вступают в смешанные браки, приучают новых родственников не кочевать, а обрабатывать землю, и тем отбивают у них охоту к войне. А еще у Михалья очень дельные миссионеры. Они не отвергают магию, как имперское жречество, но ставят ее себе на службу — и поэтому у религии Канона появляются толпы новых почитателей. И где, спрашивается, лет через сто—двести, мы увидим тех варваров? Нигде. Михаль просто растворит их.

Так что получается, что войну выиграл Димн. Разрушенный и сожженный.

Формально мы еще в составе империи. Точнее, по традиционной формулировке — в союзе, потому-то она Союзной и называется. Мы соблюдаем имперские законы — когда это выгодно. А ведь среди указов их величеств на редкость дурацкие — например, запрет упоминать вслух имя Данкайро, дабы после смерти он был предан забвению. Хотя, учитывая привычку граждан Димна поступать наперекор тому, что им навязывают, консул был склонен предположить, скорее димнийцы из чувства противоречия сделают разрушителя города своим героем. Еще и сочинят что-нибудь невыносимо пафосное, вроде:

*Гнев, о Расса, воспой Данкайро, Тогонова сына,
Тот, что империи тысячи бедствий содеял...*

Впрочем, чтоб там сограждане не напридумывали, это все равно не сравнится с теми фантастическими бреднями, что рассказывают о Данкайро в степях и пустошах. Но это к делу отношения не имеет. Так о чем бишь?

Ах да. Мы еще недостаточно сильны, чтобы отделиться от старой империи. Она еще может нам пригодиться. Может, через сто—двести лет степняки и исчезнут, но пока-то они никуда не делись. Причем наиболее опасны не подданные Владык Степи, из всех племен лучше всего вооруженные

и организованные, а те, кто Владыкам не подчиняется. Вроде нынешнего Рисэя Безголового. После учиненных им набегов власти вынуждены были принятаться за дело всерьез. И Грау, глава городского ополчения, который месяц пропадает со своими людьми в пустошах. Посему и перемирие с Герне вышло кстати — если б на Димн сейчас напали еще и с моря, город бы не выстоял. А под предлогом войны мы с отправкой налогов в империю повременим. Нет, не откажемся, разумеется. А именно что повременим. Потому что Димн сейчас похож на сочное яблоко, висящее на ветке иссыхающего дерева. Яблоко еще не совсем созрело, и черенок, связывающий его с веткой, не оборвался. А когда оборвется, то упадет и откатится в сторону. И даст начало новому дереву, пусть не такому раскидистому, но юному и жизнеспособному.

Однако это произойдет, когда у нас будет достаточно сил и против империи, и против соперников на море, и против угрозы из степей и пустошей. Неважно, как тогда мы будем называться: консулат, княжество или как-то еще. Главное — сила. А сила Димна, стоит признаться, — не воинская. При всем уважении к Грау и его парням. Мы — народ торговцев, моряков и политиков. И всегда были, да. Шестидесять лет назад степняков сдерживали не горожане, которые предпочли бы сдаться (Данкайро был известен тем, что уничтожал лишь тех, кто противостоял ему с оружием в руках), а имперский гарнизон. Правда, все равно не сдержали, а степняки, разозленные сопротивлением, сровняли Димн с землей, а землю вытоптали конями. Город теперь возродился, но из прошлого надо извлекать уроки. Хотя на это приходится тратить время и деньги. Будем надеяться, что всё окупится.

Почта действительно пришла, и на одном из свитков консул увидел печать, которая привлекла его особое внимание. Но он не сразу вскрыл ее, а сначала посмотрел в почте то, что могло быть безотлагательным и необходимым: копии последних указов императора Шубарры, все, что касалось налогов и сборов. Обсудил это с Фруэлой и только потом, отпустив секретаря, открыл отложенное письмо.

Фруэла, разумеется, заметил все это, но промолчал. Он человек пожилой, служил еще при прежнем консуле. А опыт научил его, что излишний интерес к делам начальства вреден для здоровья.

Хотя неизвестно еще, будет ли польза от полученных сведений. Над этим еще думать и думать.

Он сидел долго, несколько раз перечитав содержание свитка, и убрал его в стол, когда услышал голоса в приемной.

В кабинет заглянул Фруэла.

— Господин консул, к вам доктор Керавн.

Консул совсем забыл, что сам вызвал того. Но этот визит оказался весьма кстати. Удачное совпадение... Впрочем, совпадение ли, если учесть то, что говорят о Керавне?

Монгрانا махнул рукой:

— Зови.

В прихожей раздалось склочное:

— Стой здесь, безмозглый болван, и не вздумай высовываться! — причем обращались явно не к Фруэле.

Вслед за секретарем в кабинете появился господин почтенного возраста — старше Фруэлы, который, в свою очередь был старше сорокалетнего Монграны лет на пятнадцать, — но не вполне почтенного вида. Его бархатная шапка, прикрывающая редеющие волосы, явно нуждалась в чистке, мантия, когда-то благородного темно-зеленого цвета, была чем-то заляпана и в нескольких местах прожжена. Носителя мантии это не смущало. Его седая борода вызывающе торчала, светлые глаза смотрели остро и пронзительно.

Рядом с ним упитанный, одетый в приличный суконный кафтан на вате Фруэла выглядел воплощением солидности.

— Вы хотели видеть меня, господин Монгрانا? Надеюсь, никто из ваших близких не заболел?

— Нет, беседа совсем иного свойства. На вас опять поступила жалоба. Точнее, даже две. Я вынужден на это ответить.

— Вот как? Я убил кого-нибудь? Или совращал малолетних?

— О, если бы это было так, вас бы просто арестовали. Фруэла, что там было?

— Анонимное сообщение о преступных занятиях некромантией, — с готовностью доложил секретарь. — Будто бы господин Керавн мертвых поднимает из могил и с их помощью изготавливает зелья для лечения болезней. А также письмо от семейства Дальриа, вдовы и сына бывшего нашего казначея. О том, что доходы доктора поступают к нему незаконномагическим путем, что наносит несомненный ущерб городскому бюджету.

— О, это письмо я помню. Утверждают, что вы, доктор, золото добываете в своей лаборатории, а подоходный налог не платите. Нехорошо.

— Дураки, — фыркнул Керавн. — Будь у меня золото, стал бы я других заработков искать. Или вы думаете, что я плачу с пациентов от жадности беру? А про анонимный донос я вам вот что скажу. Это Саккаро написал. Тоже еще болван. Ну кто же некромантию использует в целях врачевания? Она совсем для иного предназначена! Впрочем, что еще ждать от невежественного знахаря...

— Однако вы, Керавн, все же демонстрируете познания по части магии.

— От вас, господин консул, не ожидал я подобных замечаний. Вы человек знающий, наблюдательный, должны понимать, с кем дело имеете. Я врач. Отчасти алхимик. Какой из меня маг?

— Не надо мне льстить — я не пациент, с которого потребно получить гонорар. Как правитель города, я обязан был сделать вам внушение в целях соблюдения общественного порядка, и в этом отношении считаю свой долг исполненным. А теперь хотел бы получить от вас своего рода профессиональную консультацию. Фруэла, оставь нас.

На лице Керавна нарисовалось: «Так я и знал. Припугнул, а теперь совета требует. На что только люди не идут, чтоб денег не платить!»

Но возражать он не стал, а уселся на предложенный табурет.

Они расположились за столом друг напротив друга. Борс Монграна — видный, несколько грузноватый, но нисколько не оплывший, с темными, глубоко сидящими глазами

и горбатым носом. Его черные, аккуратно подстриженные волосы и такую же бороду слегка тронула седина. Светло-коричневый, с золотистым оттенком бархатный тапсерт был отделан позументом — не для внешнего блеска, а для солидности. И кабинет был ему под стать — без лишней роскоши, никаких ковров и гобеленов. Каменные стены обшиты деревянными панелями (ореховое дерево, привезено из Михалья), полки со свитками, сводами законов и необходимыми для работы документами.

А вот Керавн в этом кабинете смотрелся совершенно неуместно. Правда, ему было все равно.

— Так вы действительно заболели, господин Монграна?

— Болею я всегда — беспокойством за наш город. Но от вас я хотел получить совет по другому вопросу. И прошу вас не воспринимать мои слова как угрозу. Я считаю, что вы обладаете знаниями, превосходящими знания обычного врача или даже алхимика. Знаниями, в обиходе именующимися магическими или чародейскими. И меня это нисколько не пугает. Мы в Димне. Это как бы часть империи, и в то же время не совсем империя. У нас не преследуют за магию и колдовство. И никогда не преследовали. Нас интересует лишь практическая польза тех или иных действий. И вы наверняка это знали, когда перебрались к нам из Старой Столицы, где вас заподозрили в использовании запретных знаний.

— Вот как, вы наводили обо мне справки? Если так, то, наверное, выяснили, сколько мне лет. Если не выяснили, то я вам сам скажу — шестьдесят. Я родился в конце войны. И на сколько, по-вашему, я выгляжу? — Керавн ткнул пальцем себе в щеку. — Правильно, аккурат на свой возраст. А вы должны знать, если уж собирали сведения о чародеях, — они стареют медленнее обычных людей. Если б у меня были магические силы, я выглядел бы вдвое, а то и втрое моложе, чем есть. И уж всяко обошелся без болей в суставах и ломоты в спине. Я их, конечно, лечу, что и помогает мне сохранить бодрость и подвижность, но обычными средствами, теми же, что и своих пациентов.

— Я бы мог вам сказать, что существует множество пре-
даний, как чародеи изменяли свою внешность, особенно те,

что из Михаля, — там ведь до сих пор водятся оборотни. И будто бы этот дар с тех пор, как Дагда Благочестивый начал неуклонную борьбу с колдовством, многим из них помог сохранить себе жизнь. Я мог бы также сказать, что вы можете лгать относительно возраста, и вам с тем же успехом может быть не шестьдесят, а сто шестьдесят лет. Но я не скажу ни того и ни другого. Я лишь обращаю ваше внимание на то, что вы либо невнимательно меня слушали, либо намеренно исказили мои слова. Я ни разу не назвал вас магом или чародеем. А лишь упомянул, что ваши познания в этом вопросе превышают обычные. Я считаю вас ученым, изучавшим этот вопрос.

— И только. — Керавн кивнул. Лицо его утратило вызывающее выражение, стало серьезным и мрачным. — Так оно и есть, господин Монгрانا. Откровенность за откровенность: я действительно в молодости мечтал стать чародеем. В послевоенные годы властям было не до борьбы с колдовством, а во многих архивах доступ к закрытым документам проверялся не столь тщательно. И кое-какие познания в области магии я получил. Но, помимо знаний, нужен еще и дар. А чего не дано, того не дано. Я так и остался... теоретиком.

— Сейчас мне и нужен совет человека, знакомого с чародейством по книгам и документам... Я после объясню, почему, но, уверяю, вовсе не в дурных целях. Скажите, вам что-нибудь говорит имя «Скерри»?

Керавн пожал плечами.

— Подозреваю, что всякий, изучавший историю магии, о нем что-нибудь да слышал. Хотя полных сведений нет ни у кого. Скерри Отводящий Глаз считается сильнейшим чародеем довоенных лет, действовавшим на земле Союзной империи. Поскольку в метрополии магия была строго запрещена, за ним шла охота, но его ни разу не удалось поймать, поскольку он, как вы только что изволили заметить, мастерски менял свою внешность. Никто не знает, как он в действительности выглядел. При этом источники единодушно утверждают, что он не был оборотнем. Отводил глаза смотревшим — потому его так и прозвали, наводил мороки

и мнимые образы. И это наименьшее, что он умел. Что стало с ним, никто не знает. В послевоенных документах его имя мне не встречалось. Во время хаоса, сопутствовавшего нашествию варваров, Скерри мог легко ускользнуть из империи. И поскольку чем сильнее дар чародея, тем медленнее он стареет и дольше живет, не исключая, что Скерри может быть жив до сих пор. Скрывается где-нибудь под чужим именем да посмеивается над глупыми людишками... Если б у нас здесь была занимательная история для странствующих сказителей, вы бы сейчас привели неоспоримый аргумент в пользу того, что Скерри — это я. Или, наоборот, я бы разоблачил в вас неуловимого мага. Но, увы, я и впрямь не знаю правды. И многое отдал бы, чтоб узнать, что стало со Скерри.

— Не стоит разбрасываться такими заявлениями. Потому что я, как истый димниец, тут же спрошу: «Многое — это сколько?» Потому что способен удовлетворить ваше любопытство.

— Вот как?

— И в качестве аванса скажу: Скерри не скрывается и не посмеивается. Его исчезновение в самом деле связано с войной, но не в том смысле, в котором вы предположили. Есть основания считать, что семьдесят лет назад, в самом начале нашествия, Скерри был убит в одной придорожной гостинице на тогдашней восточной границе.

Керавн молчал, лицо его было неподвижно. Консул понимал, что тот борется с желанием спросить: «Откуда вам это известно?» Но доктор помнил — Монгрانا сообщил, что сведения даны заранее. Дальнейшие разъяснения требуют платы. А Керавн еще не решил, готов ли он платить.

Создавшееся напряжение разрешилось грохотом, звоном и стуком. Причем отнюдь не в кабинете, а в приемной. И сердитым окриком Фруэлы, за сим воследовавшим. Монграна недоуменно повел бровями, Керавн вскочил с табурета.

— Простите, господин консул. Наверняка этот болван что-то столкнул или уронил...

— Болван?

— Мой ученик, чтоб его демоны сожрали и выплюнули!
Тупица, кривые руки!

— Зачем же вы держите такого?

— А, это долгая история...

— Нет, уж позвольте взглянуть на эдакое сокровище. Нет, не надо его звать. Пойдем, посмотрим, что он у меня разрушил.

Особых разрушений в приемной вроде не было, хотя картина взору предстала прежалостная. Фруэла выставил в коридор полки с нужными ему бумагами и принадлежностями для письма. Сейчас все это валялось на полу вперемежку — и полки, и бумаги, и принадлежности.

— Вот, изволите ли видеть, — доложил Фруэла. — Молодой человек неловко облокотился... и что получилось.

Виновник происшествия ползал по полу, подбирая разлетевшиеся свитки и стилосы. Принадлежности для письма Фруэла имел обыкновение ставить в вазу, которая, естественно, тоже грянулась. На счастье ученика, была она металлической, не керамической, и не разбилась, хотя грохот создала изрядный. Ученик попытался подхватить и ее, но ваза, лежавшая на боку, откатилась прочь, из-за чего ловец, тщетно стараясь ее ухватить, едва устоял на ногах, но все что держал, снова выронил.

— Встань перед консулом, урод, позор своей почтенной матушки! — рыкнул Керавн.

«Урод» оказался весьма миловидным юношей, темноволосым, с большими жалобными глазами, из которых, казалось, вот-вот польются слезы.

— Молодой Раи Сафран, — представил его секретарь.

— А-а, — коротко отозвался Монгран. — Это многое объясняет.

Еще одна вдова городского патриция, озабоченная будущим своих детей. Правда, старший уже унаследовал дело своего отца. А это, стало быть, младший сын.

— К вам, доктор, обратилась мать этого молодого человека?

— Е-сте-ствен-но. Если б мою шевелюру не проредили годы, я бы сказал, что она мне плешь проела своими уговорами. Видите ли, — ехидно пояснил Керавн, — почтенная

дама тоже верит в магию. И считает, будто она поможет ее сыну на жизненном пути.

Раи Сафран покраснел так, будто его застали в непотребном доме.

«И заботливая мамаша недурно заплатила Керавну. И, поскольку доктор вечно нуждается в деньгах, он и держит при себе это несчастье».

Вслух, однако, он ничего не сказал. Спросил:

— А в самом деле, как вы думаете, поможет?

— Да ничего ему не поможет. При любом занятии хорошее происхождение ничего не значит, если голова пуста и руки не тем концом вставлены. Надеюсь, матушка перестанет мечтать о блестящем будущем для младшенького и просто найдет ему богатую невесту. Дня не проходит, чтоб я не пожалел, что лишился Латрона!

— Это еще кто?

— Предыдущий ученик. Тоже, в общем, не подарок, даже наоборот. Хорошего происхождения там не было и в помине. Рвань подзаборная. В буквальном смысле. Не зря же я дал ему такое прозвище. Но умен был, как демон, все на лету схватывал.

— И куда он делся?

Керавн махнул рукой:

— Как только началась эта дурацкая война, заявил, что не будет тухнуть в лаборатории, пока люди кровь проливают, и ушел в городское ополчение. С тех пор я его не видел.

— Что ж, ваш ученик показал себя сознательным гражданином Димна..

— Да не гражданин он Димна! И вообще не гражданин! А бродяга!

Неизвестно, что бы последовало дальше: сетования Керавна на учеников — плохого (из почтенной семьи) и хорошего (рвань подзаборную) или разговор бы вернулся к тому месту, на котором прервался, но в коридоре показался один из скороходов городского сената. Мельком глянув на него, консул произнес:

— Прошу меня извинить, доктор, но я вынужден прервать нашу в высшей степени интересную беседу. Надеюсь,

что она продолжится. А сейчас меня призывают неотложные дела.

— Я все понял, господин консул. Вот только сейчас этот поганец тут приберет...

— Не стоит, доктор. Этим займутся слуги. Всего наилучшего.

Керавн склонил голову, при его нраве это было равноценно низкому поклону, и ткнул ученика кулаком в спину.

— Пошел, придурок!

Когда доктор с учеником покинули Серую башню, консул перевел взгляд на скорохода, и то, что он увидел, ему понравилось. Хотя человек в низком звании и не должен выражать перед вышестоящим своих чувств, но все же вестника радости легко отличить от вестника скорби.

— Господин, вести от Грау! И добрые вести.

Гостиница «Лапа дракона»

На визг Дучи в коридор выбежали Боболон — толстый, пожилой и добродушный, как раз такой, каким положено быть гостиничному кухарю, и Рох — зверовидный мужик, каковым и положено быть охраннику. Последний держал в руках дубинку, которой охаживал расходившихся постояльцев. Девицы порой подшучивали над ним, что он, мол, и спит с ней вместо жены, и сейчас эта шутка подтверждалась. Но Дуча была не в силах это оценить.

Не увидев в коридоре никого, кроме вопящей девки, Рох опустил дубинку и сплюнул.

— Заткнись, дура! Постояльцев перебудишь.

Но Дуча не унималась, только, поднадсадив голос, уже не орала, а сипела. И Рох зажал ей рот ладонью.

— В самом деле, милая... — спросил Боболон, — с чего шум? Померещилось что? Так ведь утро уже, солнце светит, нежить попряталась...

Он достаточно давно знал Дучу, чтобы понимать — при виде крысы или сороконожки она орать не стала бы.

Солнце и в самом деле светило, но в коридоре было довольно темно, и повар с охранником, еще не обвыкши в полумраке, не могли разглядеть, на что трясущейся рукой указывает Дуча.

Зато Боболон повел носом:

— Вроде воняет чем-то...

— И верно, — согласился Рох и, выпустив Дучу, подался вперед. Прежде чем он успел что-то сказать, раздался глас свыше:

— Что стряслось?

Хозяйка спускалась по лестнице. Обычно Ланасса не вставала так рано, но вопли на рассвете не были в обыкновении «Лапы дракона». Потому хозяйка не сочла за труд подняться с постели. Выглядела она сейчас не так хорошо, как вечером в зале — бледная, ненакрашенная. Однако даже с утра она не позволяла себе явиться распустехой. Успела накинуть приличное домашнее платье и шаль. И в отличие от Боболона и Руха, она, еще не получив ответа на свой вопрос, увидела пятна на стенах и брызги на полу — алые, а там, где подсохли — бурые. И красную лужу на полу.

— Это...

— Кровь, — сказал Рох, нагнувшийся над лужей. Затем выпрямился, потрогал одно из пятен на стене, посмотрел на замаранную руку. — Точно, она.

— Ах, мерзавцы, сукины дети, шутники недорезанные! — запричитал Боболон. — Узнаю, кто это сделал, — уши оборву! Нет, пусть Рох ему ноги поломает! Все погибло!

Ланасса недоуменно повела бровями.

— Так как же, хозяйка дорогая... Я ж говорил вчера... Мы, когда пороса зарезали, кровь-то в ведро сцедили, и я его в погреб поставил, колбасу нынче собирался делать кровяную. А какие-то поганцы кровь всю и расплескали. Погибла, погибла наша колбаса!

Дуча икнула и зацепилась за Роха, как прислонилась бы к стене. Он это понял, и просто сказал:

— Стоило орать, дурища... — а потом добавил: — Это ты верно, Бобо, заметил. За такие шуточки надо ноги ломать.

— Все хуже, други милые, — сурово произнесла Ланасса. — Шутка, конечно, мерзкая, но получается, что у нас кто-то в погреб лазил. А я не настолько богата, чтоб такое допускать. Бобо, ты точно запер дверь в пристрой? — Именно там находился погреб.

— Да сроду я не забывал его запирать. Небось, дверь подломали.

— Если бы подломали, я бы услышал.

— Дрых ты без задних ног, не отпирайся.

— Дверь там основательная, — возразил Рох. — Грохот бы стоял еще тот.

— Дверь крепкая, а замок сопливый. Его и девка шпилькой расковыряет.

— Хватит препираться, — прервала их Ланасса. — Рох, проверь погреб. Бобо, разбуди Бохру, пусть поможет здесь Дуче. Ее всю трясет, а кровь надо отмыть.

— Да стучал я к нему в конуру еще до того, как Дуча завопила, не открывает, у клиента, должно быть...

Хозяйка недовольно хмыкнула. Здесь такое не заведено. «Лапа» — все-таки гостиница, здесь днем у слуг полно работы, и обычно Бохру об этом не забывал.

— Ладно. Из-за этого шума все наверняка уже проснулись, сейчас появится. А ты, Дуча, иди-ка лучше позови конюшенного мальчишку. Он от кровушки точно не завизжит, вот пусть тебе и поможет.

Хоть все и разъяснилось, оставаться рядом с кровавой лужей Дуче не хотелось, пусть даже это была не более чем грязь. И она охотно покинула коридор, притом что при иных обстоятельствах бурчала бы и шипела, что на конюшню с поручениями бегать — не для такой девушки, как она. Рох также пошел исполнять распоряжения хозяйки. Если погреб подломали — это дело серьезное, это виновных искать придется, да и с него самого хозяйка спросит.

— Раз так, Бобо, ступай-ка ты на кухню. Пора за стряпню приниматься.

Ланасса двинулась вслед за Боболоном — посмотреть, все ли в порядке в зале. Там уже возилась Нунна — с крайне недовольным видом. И потому что разбудили рано, и потому что в зале ей приходилось прибираться одной.

— Где эта корова? — осведомилась она у повара. — Сперва орет так, что весь дом на уши ставит, а как работать — нет ее как нет.

— На нее не кати — ее хозяйка на конюшню послала, как раз за помощью. А вот Бохру мог бы уж и спуститься.

— Да стучала я к нему, не отзывается, сволочь! — У злобы, прозвучавшей в голосе Нунны, имелась причина.

Слуги, совмещавшие дневную работу с ночной, имели для проживания отдельные каморки. Не для того, чтобы приглашать туда гостей — этого не полагалось. Но им нужно было где-то привести себя в товарный вид, да и хранить наряды, украшения, притирания. Дуче и Нунне комнатуха выпала общая на двоих, а Бохру досталась особая. Девушки вечно ссорились на общей территории, обвиняя одна другую, что та нарочно пачкает и рвет ее платье и подсыпает грязь в пудру и помаду. О том, чтоб хранить у себя накопления и подарки клиентов, и речи не было — тут дело могло бы дойти до смертоубийства. Все это отдавалось на хранение хозяйке, благо Ланасса в подобных делах была шепетильна. А вот Бохру такого не знал и потому как бы оказывался в привилегированном положении. Этому Нунна простить не могла.

— А его нет у себя. Я постучал — не открывает. Ну я и заглянул — растолкать... не заперто было. Нету его.

Лоб Нунны прорезала морщина — девушка хмурилась. Если Бохру до сих пор у клиента, это уж ни в какие ворота не лезет. Совсем распустился, негодяй.

И это значит, что нашелся среди постояльцев гостиницы такой, который готов платить мерзкому мальчишке, чтоб он пробыл у него подольше... да какой он мальчишка, у него борода скоро расти будет... А Нунна, вся такая нежная, должна тут грязь разгребать? Убила бы!

Раздражение Нунны усугубилось тем, что вниз стали спускаться постояльцы. Бобо, спохватившись о завтраке, скрылся на кухне. И Нунне пришлось отдуваться за всех, — убираться, отвечать на вопросы — почему орали и когда поесть можно будет, и заодно отмахиваться от приставаний, потому что в эту пору они никакой выгоды не сулили.

Дуча задерживалась по той причине, что ей нужно было толковать конюхову мальчишке, что ему делать, а он малый был не шибко умный, и никак не мог этого понять. А когда его пригнали-таки в загаженный коридор, выяснилось, что мыть его нечем, Дуча забыла набрать воды. Разъяснить конюшонку все еще раз сил не было, Дуча плюнула, взяла бадью и направилась к колодцу.

Первым в зале появился Клиах — бодрый и, судя по повадкам, изрядно проголодавшийся. Вот уж кто оценил бы задуманную колбасу, что не осуществилась в замыслах Бобо. Но пока что ему приходилось дожидаться разогретых остатков вчерашнего пиршества. В ожидании он ругался. На удачу Нунны, не на нее, а на Эрке, который приперся к хозяину за приказаниями — и попал под настроение.

Затем, в сопровождении оруженосца, по лестнице сполз Гордиан Эльго. Хоть и считается, что офицеры, тем более пограничные, мастера пить и не знают, что такое муки похмелья, Гордиан страдал со страшнейшего бодуна. И в отличие от димнийского купца, был ведом не голодом, а жаждой. Благо кружку пива с кухни можно было получить незамедлительно. Нунна эту кружку и принесла, но задерживаться не стала, тем более что в зал спускался следующий посетитель.

У Шуаса физиономия была крепко заспанная. Именно заспанная, а не неспроставшаяся. Он смачно зевал и потягивался на ходу.

— И никогда-то в этих гостиницах вздремнуть не дают в охотку, — жаловался он. — Думал — тут не город, мешать никто не будет, завалился с вечера пораньше, ан и здесь с утра ор стоит..

— А Бохру как же? — спросила озадаченная Нунна. Она, как и Дуча, предполагала, что мальчишка с вечера ушел вместе с Шуасом.

— Какой еще Бохру? — недоуменно спросил купец.

Хозяйка снова показалась в коридоре, и Нунна метнулась было к ней — наябедничать, что Бохру отлынивает от работы и вообще шляется неизвестно где. Но Ланасса отстранила ее. Она разглядела, что в глубине коридора показался Рох, но почему-то не подходит, и не зовет ее. Выражение лица его не сулило «Лапе дракона» ничего хорошего.

Ланасса поняла, что Рох обнаружил нечто, но не хочет привлекать лишнего внимания, и быстро подошла к нему.

— Ну что? Нас ограбили? — тихо спросила она.

Охранник покачал головой:

— Хуже.

Владелице гостиницы логично было спросить: «Что может быть хуже?», но Ланасса этого не сказала, а требовательно глянула на Роха.

— В погребке труп, — сказал он. — Для того и подломали, чтоб туда запихнуть.

— Чей?

— Не знаю.

— Как это «не знаю»? Кто-то чужой?

— Не знаю, потому что разобрать не мог... его ж освежали, хуже, чем скотину на бойне, и руки отрезали, и голову... я чуть не блеванул, а ведь по жизни всякого повидал..

Трудно сказать, побледнела ли Ланасса при этих словах — она была бледна от природы. Но несколько мгновений она молчала. Потом произнесла:

— Получается, эта кровь, на стенах и на полу...

— Ага, там ведро пустое стоит. — Рох пытался объяснить, что, по его мнению, кровь убитого сцедили туда, смешав со свиной, а потом выплеснули. Но такие сложные рассуждения были не по нему, вдобавок он не мог взять в толк, зачем все это было сделано.

Однако донести свои соображения до Ланассы ему не удалось. Ибо раздался новый вопль Дучи, на сей раз близкий к хрипению.

Перед этим она вытянула бадью из колодца и поставила на каменный приступок. И только потом увидела, что она зачерпнула вместе с водой.

Теперь она не мало того что закричала, она упала в обморок.

Такое поведение для Дучи, девицы крепкой и успевшей много повидать, было совсем не свойственно. Но после того как она утром уже походила по крови, обнаружить, что в бадье с водой плавает отрезанная голова — это уже чересчур. Так что не стоит осуждать ее за излишнюю чувствительность.

Она не успела осознать, чья это голова, прежде чем земля выдернулась из-под ног, как сбившийся половик. Но те, кто сбежались на ее крик, узнали многократно обруганного за утро Бохру.

— Будь я проклят, если хоть раз напьюсь из этого колодца, — заявил Клиах. — Хотя все равно скоро отъезжать...

Они все снова собрались в зале, но было не так весело, как вчера. Дуча, уже оклемавшаяся, тихо всхлипывала в углу — рыдать в голос у нее не осталось сил. Нунна не плакала, но ее трясло мелкой дрожью, и она старалась держаться поближе к хозяйке. Конюх Огай с помощником и Рох вышли, чтоб перенести останки жертвы в сарай, так что из слуг в зале оставался только Боболон. Он стоял у двери кухни, на широкой физиономии не было и следа обычного добродушия.

Если вначале Ланасса и собиралась скрыть от постояльцев произошедшее, то теперь это было невозможно. Кто не видел, тот слышал. Шуас расползся по скамье, как кусок сырого теста. Гордиан, напротив, при таком известии тут же позабыл о похмелье, сразу стал собран и насторожен.

— Сейчас никто никуда не поедет, — сказала Ланасса. — Я велела Роху запереть ворота.

— Это еще почему? — Шуас и Клиах, во всем являвшие друг другу противоположность, сейчас заговорили в один голос.

— Если вы не заметили, ночью в гостинице произошло зверское убийство.

— А мы-то здесь при чем?

— Затем, что здесь не город, и в гостиницу никто не мог попасть снаружи. Значит, это мерзкое преступление совершил кто-то находящийся среди нас. Представителей власти поблизости нет, но в гостинице сейчас два офицера имперской армии. Господа Эльго и Гаттала, — она впервые назвала Варинхария по фамилии, — прошу оказать мне содействие в задержании преступника.

— Согласен, — откликнулся Гордиан.

Варинхарий поддержал его:

— Сделаю, что смогу.

— А откуда мы знаем, что это не они убили? — Шуас и трезвый готов был спорить. — Известное дело, вояки как подгуляют, так начинают рубить кого ни попадя. Что чужих, что своих...

Рука Гордиана сжалась в кулак — если не рубить, так ударить купца, но Варинхарий остановил его.

— Если здесь кто-то захочет это выяснить, мы препятствовать не будем... А пока, уважаемая госпожа, прежде, чем попытаемся найти убийцу, я предлагаю исключить из числа подозреваемых тех, кто этого сделать не мог.

— Это как же? — с подозрением спросил Клиах.

— Чтоб так разделать этого беднягу, нужна недюжинная сила. Так что ни женщины, ни конюшонок в убийцы не годятся.

— Верно, — согласилась Ланасса. — И еще этот... — Она поискала взглядом и нашла сидящего на полу сказителя, который на сей раз не спешил что-либо сказать. — У старика тоже вряд ли хватило бы сил.

— Слуги при гостинице, все трое — сильные мужчины, но с чего бы им убивать Бохру, да еще так... изощренно? Если кто-то был с парнем в ссоре, мог бы прикончить его гораздо проще. Так что это кто-то из постояльцев. Мальчишка был шлюхой. Так? Обслуживал приезжих. А у некоторых людей, говорят, такие вкусы... они удовольствия без побоев и крови получить не могут. Вот кто-то и увлекся.

— Да, — спокойно произнесла Ланасса. — Бывают такие люди. Если мы выясним, кто забирал Бохру на сегодняшнюю ночь, то найдем и убийцу.

— Верно мыслите, госпожа моя. Кто-нибудь видел, с кем с вечера Бохру ушел?

Тут пошло переглядывание и перешептывание и Дуча сдавленно произнесла: .

— Я думала, он с господином Шуасом...

— Дура! — возмутился купец. — Я же говорил, что рано спать лег! Еще до того, как все обнаружилось.

— Ты думала или на самом деле видела, как они вместе ушли? — Не обратив внимания на слова Шуаса, Варинхарий обращался к Дуче.

— Н-н-ну... — Дуча напряглась, — не помню...

— И не может помнить! Потому, что не было этого! Вот хоть у Азата спросите!

— Азат — это ваш слуга, так? Насколько я помню, по законам Батны показания слуг в делах их хозяев силы не имеют...

— Здесь не Батна! И слуги есть у всех гостей. Они точно так же могли убить, как хозяева!

— А вот здесь вы правы, господин Шуас. Со слугами тоже придется разбираться. Но для начала — господа.

— Прежде всего, — снова вмешалась Ланасса, — надо спросить, кто из девушек с кем был занят ночью. Тогда будет ясно, кто не мог совершить убийство.

Прежде, чем она успела задать вопрос, Нунна быстро и с готовностью сообщила :

— Я была у господина офицера. Почти до утра.

— Так и было. — Хотя Нунна подтверждала его невиновность, в голосе Гордиана Эльго как-то не слышалось воодушевления.

— Отлично. Дуча?

Девушка вместо ответа прикрыла лицо рукавом. Озадаченная столь неуместной и неожиданной стыдливостью, Ланасса уточнила:

— Шуас, по его словам, спал. Ты была с господином Клиахом? Дуча помотала головой.

Теперь стала понятная причина внезапной стыдливости. Дуча была занята с кем-то из слуг. А это, рядом с Нунной, отхватившей себе офицера, сильно роняло ее профессиональную репутацию.

— Ладно, я ее наедине расспрошу.

— Значит, — высказал свое мнение Варинхарий, — под подозрение попадают купцы, а также слуги.

— Э, нет. — Клиах, который долго помалкивал, при таком раскладе не сдержался. — А ты сам, рыжий? Кто может подтвердить, что ты невиновен?

— Я, — ответила Ланасса. — Господин Варинхарий ночью был со мной. Моего слова достаточно?

Клиах помрачнел, но тут подал голос Эрке:

— А по-моему, это все черное колдовство. Я слышал, когда вот так убивают... голову, руки, тело отдельно, и кровь выцедают, это чтоб злые силы вызывать...

— Молчи уж, дурак! — прервал его димниец. Ему не хотелось, чтоб его невиновность защищал слуга, да еще и столь нелепо.

— Короче, дело ясное, что дело темное, — буркнул Торк.

— Зато ясно, что те, к кому я обратилась за помощью, невиновны, и это уже хорошо. Господа Эльго и Гаттала, вот что я попросила бы вас сделать... если это не унизит ваше достоинство. Осмотрите, пожалуйста, комнаты господ купцов, быть может, там найдется что-нибудь, свидетельствующее об их виновности. Или невиновности. И помещения слуг.

Гордиан вовсе не был обрадован поручением, но вынужден признать, что предложение хозяйки разумно. Но и он внес свою лепту:

— А вы, хозяйка, сделайте так, что ваши слуги проследили, чтоб никто не сбежал.

— Я сейчас распоряжусь. Остальных прошу подождать в зале. Девушки принесут что-нибудь поесть.

Когда офицеры и хозяйка покинули зал, забытый всеми сказитель пробормотал:

— А бельмастый-то прав. Нехорошее это дело...

— Чего уж хорошего, — откликнулся Боболон. — Мальчишку порешили зверски, а убийец где-то среди нас спрятался.

— Оно, конечно. Только я не о том. Демонов и духов злых, разрушительных так призывают... а они на призыв ответят. Вскорости. Вот увидите.

Ланасса, отдав распоряжения Роху и конюху, не вернулась в зал, но и к себе не проследовала. Она поднялась туда, где располагались комнатухи Дучи с Нунной, а также убиенного Бохру. Дверь его комнаты Ланасса и распахнула.

Это тоже было разумно — обыскать комнату убитого. Как уже говорилось, в «Лапе» существовало правило — шлюхи обслуживают приезжих в их собственных комнатах, а не приглашают к себе. Но Ланасса подозревала, что Бохру это правило нарушал. Потому-то и старался держать свою комнатуху запертой. Там не было ничего, что могло бы вдохновить на особые любовные утехи. Но Ланасса, с ее жизненным опытом, знала — некоторых людей возбуждает именно нищета и убожество. А убийца, предположительно, человек с извращенными пристрастиями.

Утром, когда Боболон искал Бохру, дверь была закрыта, но не заперта. И Бобо не заметил там ничего подозрительного. Но он и не приглядывался. Увидел, что Бохру нет, — и ушел.

Ланасса тщательно обыскала жалкие пожитки Бохру — несколько рубашек, ларчик с браслетами, гребнем, щипцами и маслом для волос. Под кроватью стоял запертый сундучок. Ланасса извлекла из волос шпильку и без особого труда отперла сундучок. Там хранились деньги. Конечно, спрятать накопления под замок — это понятно, однако была договоренность, что заработанное ночным трудом хранится у Ланассы. Стало быть, Бохру утаивал часть заработанного.

Еще здесь было несколько чистых листов бумаги и принадлежности для письма.

Ланасса задвинула сундучок обратно под кровать и продолжила искать, но непонятно было, что она искала. Она принялась простукивать стены и пол комнаты.

Тайник обнаружился за нишей с лубочной картиной, изображавшей Фио, богиню любви. Там тоже находилось несколько листков, на сей раз исписанных.

Ланасса бегло их проглядела. Лицо ее, и без того спокойное и холодное, стало жестким и злым.

— Значит, не ошибалась я. Вот где крыса завелась, — прошептала она. — Жаль, сучонок.. до тебя кто-то раньше добрался. Не повезло тебе — я бы убила чисто.

